

Глава 36. Поэзия оборванной струны

Прошло немало времени, прежде чем Дуань Иньхэ заставил себя отвести взгляд. Он больше не смел смотреть на Пэй Буцзюэ с тем странным оцепенением, что сковало его мгновением ранее.

Юноша опустил затуманенный взор. На его ресницах дрожали капли влаги — то ли отголоски недавнего ливня, то ли невыплаканные слезы. Тяжелые влажные тени не могли скрыть бурю, бушующую в его душе, но он хранил молчание. Лишь сделал шаг вперед, заслоня собой мужчину от кольца недоброжелателей.

Заклинатели, наводнившие город, не могли смириться с тем, что священная стела была осквернена каким-то безвестным выскочкой. След от меча Пэй Буцзюэ ушел глубоко в камень, превратив имя Дуань Иньхэ в клеймо, которое невозможно было стереть.

В их глазах обладатель «кости меча» не имел права стоять в одном ряду с истинными избранниками небес.

Мечники привыкли решать споры сталью. Один за другим клинки с сухим шелестом покидали ножны — вызов был брошен, и воздух вокруг наэлектризовался в предвкушении схватки.

Однако юноша даже не коснулся своего оружия.

Алые одежды подчеркивали разворот его широких плеч и безупречную осанку. Узкий серебряный меч послушно покоился на поясе; нефритовые подвески на рукояти сплетались в причудливый узор. Весь его облик скорее напоминал праздного молодого господина, случайно забредшего в Дунли после прогулки по увеселительным кварталам, нежели грозного мастера.

Этот юноша, столь непохожий на заклинателя меча, окинул толпу небрежным взглядом. Он не видел в них соперников — лишь досадную помеху.

Притянув Дуань Иньхэ к себе за плечо, он негромко рассмеялся:

— Говорят, один взмах меча в Дунли способен потрясти Девять Провинций. Но сегодня я вижу: все ваше мастерство не стоит и крупницы того, что я держу в своих руках.

Не оборачиваясь, он увлек спутника за собой, проходя сквозь лес обнаженной стали вглубь города.

Ярость и вызовы молодых гениев остались за спиной — демон стряхнул их, точно дорожную пыль с подола, не удостоив и тени внимания.

В сизой дымке дождя две фигуры постепенно отдалялись: белое и алое, два контрастных пятна,

плывущих над мостовой. Лишь браслет из белой нефритовой кости на запястье Дуань Иньхэ иногда поблескивал, оставаясь единственным светлым штрихом на фоне багряных одежд его хозяина.

Турнир испытания мечей превращал Дунли в некое подобие гигантского живого механизма. На каждом шагу путников подстерегали хитроумные ловушки или, напротив, редкие возможности обрести озарение. Весь город стал масштабным тайным царством, где каждый закоулок хранил свои секреты.

Здесь маленькая девочка, торгующая засахаренными фруктами, могла оказаться столетним мастером одной из великих школ, тайно наблюдающим за своими учениками. А старик с убеленной сединами головой — великим мечником, чей удар был быстрее молнии.

Но Пэй Буцзюэ не интересовали поиски истин. Он преспокойно устроился в постоялом дворе, велел подать вина и изысканных сладостей, и теперь лениво листал книгу, полулежа на бамбуковой кушетке.

Разумеется, время от времени он находил минутку, чтобы подразнить Дуань Иньхэ.

Система 059 в последние дни пребывала в унынии. С тех пор как они вошли в Дунли, задание по унижению юноши зашло в тупик.

Прошли те благословенные времена, когда одно лишь прикосновение к подбородку или внезапный поцелуй заставляли шкалу прогресса стремительно ползти вверх. Теперь Пэй Буцзюэ мог позволить себе развязать пояс на его талии и ласкать его тело, точно драгоценное изваяние, — и Дуань Иньхэ принимал это с пугающей покорностью...

[059 заподозрила, что метод набора очков выбран неверно. Нужно следовать сценарию, заложенному в сюжете.]

Она согласилась на авантюру с поездкой в Дунли только потому, что в оригинальном сценарии это место тоже упоминалось, пусть и при других обстоятельствах.

В первоначальной истории Демон-почтенный Чунмин должен был дерзко ворваться в Дунли под конец турнира. На глазах у великих мастеров праведного пути он, не обнажая меча против молодежи, должен был извлечь частицу души Дуань Иньхэ и швырнуть измученного, едва живого «сосуда» в финальную иллюзию турнира.

Юноша, когда-то бывший ослепительным гением, должен был предстать перед всеми в самом жалком, ничтожном виде.

И самое ужасное: те «чистые сердцем» молодые люди, что дошли до финала, при виде «кости меча» не смогли бы скрыть своей алчности... Именно там, в месте, где он когда-то обрел свой путь, его сердце меча должно было окончательно разбиться.

[Следовательно, Носителю нужно лишь раскрыть личность Дуань Иньхэ во время турнира... Для него это станет величайшим позором.]

[Затем Носитель вернется в Тучуань Гу, одарит Дуань Иньхэ артефактами и снадобьями, чтобы тот восстановил силы. И миссия будет выполнена.]

Пэй Буцзюэ перевернул страницу.

— Идет, — лениво отозвался он.

Такая покладистость даже немного смутила 059. Она уже собиралась погрузиться в спячку, как вдруг ее внимание привлекла книга, которую читал Носитель.

Это не было одно из тех низкопробных чтив, что продавались на каждом углу Дунли. Пожелтевшие страницы и летящий, каллиграфический почерк казались смутно знакомыми.

Это больше походило на чьи-то личные записи. Текст гласил:

«Обладатель кости меча наделен натурой глубочайших чувств и предельной чистоты. Лишь познав всю полноту страстей и желаний, сможет он возвыситься в своем искусстве. По достижении стадии Полушага в Пустоту этот клинок обретет совершенство, став первым в Поднебесной»

059 хотела было что-то спросить, но в комнату вошел Дуань Иньхэ с подносом в руках. Система решила не мешать и тихо скрылась в сознании Пэй Буцзюэ.

Юноша разлил изумрудный чай по фарфоровым чашкам и подал одну Пэй Буцзюэ, который уже успел приговорить кувшин вина.

— Без магических сил вино лишь вредит телу, — негромко произнес Дуань Иньхэ.

Мужчина оторвался от книги, но чашку не взял.

В его взгляде заиграла лукавая усмешка — он явно вознамерился поиздеваться над спутником. Дуань Иньхэ едва заметно вздохнул и, присев рядом, поднес чашу к его губам.

— Хозяин, прошу, выпейте чаю, — произнес он, всё еще не привыкнув к подобному обращению.

Пэй Буцзюэ рассмеялся. Придерживая руку юноши, он сделал глоток, а затем, оставив чашку, лениво коснулся пальцем его подбородка и одарил коротким поцелуем — точно наградой.

Дуань Иньхэ опустил ресницы, безропотно принимая ласку. Вкус чая с легкой горчинкой и тепло чужого дыхания обожгли его губы.

Поцелуй был мимолетным. Пэй Буцзюэ отстранился и снова уткнулся в книгу.

— Сладкий, — небрежно бросил он.

Чай был терпким и ароматным, в нем не было ни капли сладости. Что именно имел в виду демон, объяснять не требовалось.

Дуань Иньхэ, не зная, куда деться от смущения, поспешно поднялся и неловко сменил тему:

— Почтенный... что за книгу вы читаете?

Пэй Буцзюэ вскинул взгляд. В его глазах застыло странное, нечитаемое выражение, а родинка у века горела кровавым огнем.

Спустя мгновение он негромко хмыкнул:

— «Властный Демон-почтенный и его прекрасный Бессмертный господин». Самый популярный нынче роман. Хочешь, почитаю вслух?

Дуань Иньхэ несколько секунд стоял, лишившись дара речи, и наконец запинаясь выдал отказ.

Но не успел он закончить фразу, как в дверь постучали. Юноша открыл. На пороге стоял слуга постоянного двора, который вежливо обратился к ним:

— Уважаемые гости, сегодня в нашем заведении почетный гость проводит ученое собрание. Позвольте вручить вам приглашение.

Дуань Иньхэ взглянул на подпись внизу свитка и нахмурился.

Школа Хуаян. Истинный Мин Лан.

Закрыв дверь, он быстро заговорил, обращаясь к Пэй Буцзюэ:

— Мин Лан — мастер стадии Великого Просветления. Вероятно, он прибыл сюда под предлогом ученой беседы, чтобы дать наставления ученикам своей школы. Но это не важно. Сейчас, когда вы лишены сил, любая встреча с ним — верная смерть. Если он узнает вас...

— Мы останемся в комнате? — Пэй Буцзюэ перебил его, забирая приглашение. — В тот день на горе Сунмин все, кто видел мое лицо, погибли.

Мужчина сделал паузу, многозначительно глядя на юношу.

— Кроме тебя.

Его пальцы скользнули по нефритовой табличке.

— Не бойся, маленький Бессмертный господин. В этом мире еще не родилось того, чье приглашение я побоялся бы принять.

Визит Истинного Мин Лана в Дунли стал настоящим событием. Возможность услышать наставления от столь великого мастера была поистине бесценным даром. Многие готовы были на всё ради заветного приглашения, но те, кому оно не досталось, толпились в общем зале, надеясь уловить хотя бы обрывки его мудрости.

Пэй Буцзюэ, не выходя из комнаты, умудрился получить сразу два пропуска. Когда он в сопровождении Дуань Иньхэ появился на третьем этаже в отдельном кабинете, на них устремились десятки недобрых взглядов.

В день прибытия демон не только проигнорировал все вызовы, но и во всеуслышание заявил, что лучшие мечники Дунли не стоят его «сосуда»...

Многие считали, что он намеренно вписал имя Дуань Иньхэ в стелу, лишь бы поиздеваться над ними. Его вызывающее поведение вызвало у всех лишь глухое раздражение, постепенно перерастающее в общую ненависть.

В каждом чайном доме и на каждой улице Дунли только и обсуждали таинственного незнакомца в алом, но тот не показывался на людях, лишая недоброжелателей возможности выплеснуть гнев.

И вот теперь этот человек удостоился личного приглашения Истинного Мин Лана?

Как такое возможно?

Внизу не смолкал гул голосов: все пытались выяснить, кто он такой и какой влиятельный клан стоит за его спиной.

Но стоило мастеру появиться, как шум мгновенно стих.

Бирюзовый паланкин плавно опустился прямо из облаков. Легкий ветер колыхал белоснежный полог, скрывая лицо сидящего внутри мужчины. Маленький мальчик-слуга, стоявший рядом, звонким голосом провозгласил:

— Истинный Мин Лан прибыл!

Присутствующие в зале одновременно склонились в глубоком поклоне. Давящая аура мастера стадии Великого Просветления незримым грузом накрыла здание. Мин Лан был известен своей любовью к музыке, и потому в постоянном дворе тут же зазвучала цитра — знак глубочайшего почтения.

Лишь один человек не шелохнулся.

Юноша в красном небрежно облокотился на резные перила. Пока остальные застыли в почтительных позах, он с откровенной скукой теребил серебряное украшение на кончиках своих волос.

Предупреждающая аура, выпущенная гостем, казалось, совершенно его не трогала.

Когда гости начали подниматься, Истинный Мин Лан, словно что-то почувствовав, бросил на него короткий взгляд.

Пэй Буцзюэ, ничуть не смутившись, прищурил фениксовые глаза. Его тонкие губы тронула легкая улыбка, и он непринужденно поприветствовал вошедшего.

Всем было известно, что Истинный Мин Лан — большой ценитель прекрасного. Едва войдя в кабинет, он велел прекратить музыку и со смехом произнес:

— Раз уж сегодня вы пришли слушать мои наставления, пусть нас сопровождает искусная игра на цитре. Местные музыканты не слишком пришлись мне по вкусу. Найдется ли среди вас тот, кто готов исполнить для нас мелодию?

В Дунли собрались одни меченосцы. Даже если кто-то из них и владел инструментом, вряд ли его игра могла удовлетворить вкус великого мастера. В комнате воцарилась тишина — никто не решался предложить себя.

В этот момент кто-то из присутствующих откинул занавеску и ехидно бросил:

— Разве этот даос Дуань не здесь? Его спутник, должно быть, одарен многими талантами и не чужд изящных искусств.

Эта полная ядовитого сарказма фраза вызвала одобрителный шепот, который быстро перерос в откровенные насмешки.

Эти слова долетели и до Дуань Иньхэ.

Он украдкой взглянул на Пэй Буцзюэ, который продолжал неспешно пить чай и листать книгу. Странно, но это спокойствие придало ему уверенности.

Юноша знал: Пэй Буцзюэ по крайней мере помнит, что он прежде всего мечник.

Почувствовав на себе взгляд, демон закрыл книгу и посмотрел на него.

В этот миг юноше почему-то расхотелось слышать его голос.

Когда Пэй Буцзюэ не улыбался, его фениксовые глаза становились холодными и отстраненными. Он медленно скользнул взглядом по бледному лицу Дуань Иньхэ и ровным тоном спросил:

— На цитре играть умеешь?

...

Игра на цитре требовала чутких пальцев. Для воина, чьи руки привыкли к мечу, это было непростой задачей — даже если Дуань Иньхэ и умел играть, вряд ли это можно было назвать искусством.

Вопрос Пэй Буцзюэ был вполне оправдан. Любая оплошность перед Мин Ланом могла обернуться катастрофой для них.

Даже если Дуань Иньхэ не умел, он обязан был сказать «да».

Он молча поднялся, собираясь с духом. Он понимал, что его ответ не имеет значения: как «сосуд» Пэй Буцзюэ, он не имел права выбора.

Но в последний момент он не выдержал. Какое-то странное, необъяснимое чувство заставило его очень тихо спросить:

— А если я скажу, что не умею... что тогда?

Пэй Буцзюэ едва заметно нахмурился.

Дуань Иньхэ тут же пожалел о своей дерзости. Он знал, что не услышит того сказочного ответа, на который втайне надеялся.

«Не думай о лишнем, Дуань Иньхэ, — приказал он себе. — Просто замолчи».

В его глазах застыла печаль. Когда он обратился к Истинному Мин Лану, его голос звучал хрипло, но в нем все еще чувствовалась холодная, чистая сталь.

— Я готов исполнить, — спокойно ответил Дуань Иньхэ.

<http://bllate.org/book/15843/1438945>